

НАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ (ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ)

В статье рассматривается взаимосвязь исторически сложившихся культурных установок национальной ментальности и современной социокультурной ситуации в России. Обосновывается возможность психоаналитического подхода к проблеме как одного из альтернативных методологических ракурсов культурологии.

Ключевые слова: *амбивалентность, архетип, идентичность, культурная установка, ментальность, психотип.*

В многочисленных исследованиях, посвященных социокультурному облику современной России, констатируется, что многие ее проблемы связаны с особенностями национальной ментальности, имеют психологические свойства, корни которых надо искать в предшествующей культурной истории. В силу этих свойств даже наиболее прогрессивные политические и экономические формы наполняются у нас специфическим содержанием, часто принося неожиданные результаты. Например, Э.В. Соколов пишет: «Любая систематизация культурных явлений останется фикцией, игрой в слова до тех пор, пока она не основывается на глубинном понимании человека и человеческой деятельности» (цит. по [1, с. 18]). Присущие обществу «теневые» черты, в том числе и мешающие его модернизации, невозможно рассматривать как «временные аномальные явления». По крайней мере отчасти это глубинно-психологические особенности данной культуры. «Одним из наиболее интересных аспектов исследования локальных культур является выявление доминирующих в них более или менее универсальных форм социокультурного бытия или доминирующих признаков уникальности» [2, с. 28]. Это требует выявления той «культурной конфигурации» (М. Мид), которая невозможна без характеристики ментальности носителей культуры и психологических механизмов, ее сформировавших. Образ человека во многом задает образ культуры, а культура формирует определенный тип человека.

К настоящему времени по зарубежной и российской психоаналитической литературе можно составить достаточно полный психологический портрет российской культуры, хотя и не в обобщенном виде. Однако, помимо мозаичности, он содержит много неточностей, неправомерных обобщений и противоречивых оценок. По всей вероятности, это объясняется, во-первых, теоретической и методологической неоднородностью самого психоанализа, во-вторых, пространственно-временным разрывом в преемственности исследовательского поиска (в 1930-е гг. и вплоть до начала 1990-х гг. отечественный психоанализ был свернут, а для западных исследователей российская реальность стала недостижимой), в-третьих, присутствующей во многих исследованиях тенденцией рассматривать российскую культуру как целостность, без учета ее исторически обусловленной разнонаправленности. Для соблюдения большей точности оценок автор считает продуктивным придерживаться представления о трех взаимосвязанных, но тем не менее различных психотипах российской культуры: традиционно-русском,

советском и постсоветском. Это связано с масштабными, кардинально меняющими всю социокультурную ситуацию сдвигами в российской истории XX в.

Общими чертами ментальности, характерной для российской культуры, называются патерналистский тип сознания, неразвитость ценностей самостоятельности, независимости, личной ответственности, низкая способность к самоуправлению и самоорганизации. Специфика психоаналитического подхода выражается в попытках объяснения генезиса этих качеств. Особенность русской ментальности — потребность чувствовать принадлежность к какому-то Целому, которое всегда больше частного, индивида («Я — последняя буква алфавита», «Единица — ноль» и т.д.). Вначале общесоциальное, а затем уже семейное, личное (хотя следует отметить, что сейчас модус принадлежности резко сдвинулся в сторону семейного, а у молодежи сдвигается к личному). Основатель современного «Русского психоаналитического общества» А.И. Белкин пишет: «Психологический феномен «Мы» в суперзначении всегда играл огромную роль в формировании и развитии национального характера» [3, с. 82]. О том же, характеризуя русский национальный характер, пишет К.В. Касьянова: «Русская культура требует от человека очень сильного самоограничения, репрессии своих непосредственных внутренних импульсов, репрессии своих личных индивидуальных целей в пользу глобальных культурных ценностей» [4, с. 99]. По мнению автора, русская пассивность происходит все-таки главным образом из взаимоотношений личности и коллектива. Потребность в единстве диктовалась постоянными войнами и суровыми природными условиями, но со временем приобретала самодостаточный и самодовлеющий характер, формируя традиции воспитания и защитные механизмы в виде круговой поруки и разделенной ответственности, а на деле — коллективной безответственности. В трудные времена коллективизм подпитывался комфортностью чувства сплоченности. Коллективистская ментальность — это в первую очередь не архаический пережиток, а *постоянно воспроизводимая культурой установка*, рефлексивно выражаемая социумом как «соборность» славянофилов, «симфонизм» евразийцев, «советскость» большевиков (при декларируемом интернационализме пестовалось все же чувство государственной сопричастности, имперское самосознание). В этой сопричастности идее всеединства заключается русский дух — основа национальной идентичности, а не «голос крови», т.е. этническая принадлежность. Этот ассимиляционный «архетип» позволял создавать многоэтничные общности, а не сила оружия, религия или мощь государственного аппарата.

Главная особенность психологического склада русской культуры, отмечаемая всеми исследователями, — ее внутренняя противоречивость, амбивалентность. Россия застряла в выборе между Европой и собственным геополитическим проектом, империей и национальной государственностью, относительной изоляцией и полной геополитической открытостью, свободой и патернализмом, индивидуализмом и коллективизмом, мобилизационным и инновационным типами развития, протестантской и общинной (артельной) трудовой этикой [5]. Амбивалентность проявляется в горделивом чувстве особости, уникальности исторического пути России и одновременно ощущении собственной периферийности, неполноценности. Коллективный нарциссизм сочетается с низким уровнем самооценки и самоуважения. «Амбивалентность русской культуры организована, — пишет В. Медведев, — не полюсами мужественности и женственности,

активности и пассивности, а длительными циклами сна-иллюзии и краткими периодами разрушительного бодрствования для создания новой иллюзии, т.е. алгоритмом прорыва агрессивной объективации по мере накопления фрустрации» [6, с. 161]. «Русские медленно запрягают, но быстро ездят», — крылатая фраза Отто фон Бисмарка. Более того, «каждый новый период в истории русской культуры ориентирован на решительный отрыв от предшествующего. Новое — не продолжение, а эсхатологический отрыв от всего. Важнейшая особенность русской культуры — ее бинарность, стремление осуществить на практике некий несуществующий идеал» [7, с. 6]. Раздвоению в сознании россиян подверглись даже сами образы страны и государства. От второго лучше держаться подальше. Его символизируют некие «они», которые «лучше знают», но которые тем не менее всегда во всем виноваты. Дистанцирование от Другого — «этой страны» — как форма проективной защиты наблюдается у всех слоев населения [8]. Государство, по мнению автора, воспринимается не с точки зрения его служебных функций, а как фетиш, символизирующий идею единой семьи. Вследствие расхождения идеального представления и реальной практики взаимоотношения государства и общества возникает амбивалентность отношений как культурная установка. С одной стороны — постоянное пассивное сопротивление, с другой — преклонение перед самой идеей государства. От реального государства, как и от реальных родителей, следует терпеть (а при возможности схитрить, обмануть, уклониться от обязательств) ради фантазии об идеальном. Этим и объясняется пресловутый патернализм, поскольку со своими прямыми функциями, за исключением репрессивных, наше государство сплошь и рядом не справляется. Россия как государство сформировалось на территории с экстремальными природными условиями благодаря применению экстремальных мер. Экстремальность стала чертой национального характера, обостряя амбивалентность культуры. Постоянное существование в условиях непрекращающихся внутренних конфликтов, напряженности вызывало компенсаторную мечту о соборности. Следствием разрешения текущей конфликтности стала общинная коллективистская ментальность с обостренным чувством справедливости, понимаемой как уравнительность. Реальная несправедливость поляризовала народ и власть, разрывая диалогичность культуры.

Человек в России живет в некоем диапазоне противоречия между порывом и противопорывом в противоречивых культурных антиномиях этатизма-анархизма, национализма-универсализма, индивидуализма-коллективизма, свободы-рабства, европоцентризма-«азиатчины». Это делает его социокультурное поведение хаотичным, непредсказуемым и импульсивным. «В России, — пишет А.С. Ахиезер, — ушедшей от традиционализма, но не пришедшей к либерально-модернизационной модели, присутствует ряд форм культуры, находящихся между собой в сложных взаимоотношениях — от взаимопроникновения до взаиморазрушения» [9, с. 38]. Эта амбивалентность, по словам Е. Сильновой, сама по себе является одной из главных причин социокультурной проблемности России: «Думается, тяготы и жертвы российского человека происходят от самих себя, своей сути, натуры, закрепления и воплощения его собственных противоречивых качеств» [10, с. 63]. В этом же ключе рассуждает В.С. Барулин: «Тотальная зависимость российского человека в данном обществе — это зависимость от самого себя, от своей собственной фетишизировано-сублимирован-

ной сущности, своей всеобщности, собственной разорванности» [11, с. 326]. Национальная идентичность России и сейчас представляет собой не «плави́льный котел» (как, например, США), а мультикультуральное гибридное образование, «слоеный пирог», ни один из слоев которого полностью не отторгнут, несмотря на многочисленные трансформации. Эти пласты: православный, коммунистический, либеральный, евразийский, националистический, имперский и т.д. Амбивалентность проявляется и в отношениях с соседями, например с США: усвоение американских культурных продуктов и попытки копирования образа жизни сочетаются с антиамериканизмом в общественных настроениях и политике. Традиционная для российской культуры этническая, конфессиональная, региональная неоднородность — фактор психологии коррупции, также как и общинная, клановая ментальность. Загадка (и драма) русской культуры в том, что она «выстроена на взаимопротиворечивых основаниях, и сколько-нибудь устойчивая система приоритетов, соотносящая эти основания друг с другом, в ней отсутствует» [12, с. 41]. Согласно теории психоанализа, кризис социокультурной идентичности, как и личностной, для своей нейтрализации требует включения определенных механизмов защиты, «бегства от себя реального» (К. Хорни), «от свободы» (Э. Фромм), «подкрепления слабеющего образа Я» (Р. Столоруу) и т.д. По Ранкуру-Лаферьеру, в русской культуре это вызывало стремление к симбиотическому слиянию с матерью (ее символическим образом — церковью, общиной, партией, кланом, Родиной) или уход в иллюзорный мир социокультурных фантазий. Русский сам себе не принадлежит, а «прилагается» к чему-то: царю, партии, государству. «Русская идея» становится комплексом морального превосходства, компенсацией неполноценности (по А. Адлеру). Автор полагает, что суть русского хилиазма, мессианистских устремлений, присущих национальному массовому сознанию на любом уровне и когда-то выраженных формулой «Москва — третий Рим» (для Запада Рим погиб из-за отхода от республиканских идеалов, а для России — из-за языческой бездуховности, потери морального смысла), — в идее компенсаторного оцерковливания государства, которое со временем должно быть преобразовано в единую семью-общину, в которой будут устранены все противоречия. Психологический смысл «русской идеи» — в преодолении невыносимого внутреннего раскола, грозящего потерей аутентичности, но выражаемом в архаической, мифологической форме. Постоянная кризисность актуализирует инфантильные формы мышления, для которых как раз характерна «иллюзия всемогущества» (Ш. Ференци), уход в фантазийный мир. На массовом уровне это приводит к культурному изоляционизму, формированию реактивных компенсаторных мифов об избранности, особой культурной миссии, чудесном перерождении и грядущем величии (например, в эре Водолея). Вместо целостной стратегии, активирующей поиск решения проблем, на коллективном уровне Россия превращается в «зал ожидания». Своеобразный комплекс «гадкого утенка» — психологическое основание пассивности, способ ее оправдания и причина поиска пророка извне, убежденности в необходимости внешнего толчка (от варягов, немцев и т.п.). Отсюда же традиция коллективного обмана — самообмана: потемкинские деревни, самозванство, дутые цифры, «соцреализм», разнообразное приукрашивание действительности. Россия — страна фасадов (тот же де Кюстин писал, что русские не хотят быть цивилизованными, но хотят ими казаться). По Д. Винникотту, все это «переход-

ные объекты» — модель реальности, заменяющая саму реальность. Иллюзорные переходные объекты тем не менее вполне реальны, и трудность в понимании российской социокультурной действительности заключается еще и в том, что реальность и иллюзия постоянно смешиваются. Культурная самоидентификация русских часто строится на основе одинакового иллюзорного опыта, на «разделенной иллюзии». В российской культуре поэтизируется рискорождающее поведение. Наша культура выработала массу собственных уникальных способов защиты от фрустрирующей реальности: деперсонализацией («я как все», «решили всем миром»), трансферной проекцией ответственности на харизматического вождя, персональной лояльностью «отцам командирам», действием в расчете на помощь некой безличной силы, на которую можно списать вину, «на авось» (что в условиях постоянной амбивалентности и неопределенности часто оказывалось единственно возможной формой действия), специфическим горьким юмором. Кроме этого, в российской культуре заложен механизм блокировки осознания подлинных причин униженного и несамостоятельного положения человека. В целом в отечественной культуре развиты не рефлексивные, а компенсаторные механизмы обеспечения своего выживания. Возможно, эта особенность как раз и определяется интровертированной культурной установкой, направленностью «вовнутрь», обуславливающей большую долю символического, мифологического в самоидентификации человека в культуре. В таком случае удар по символам интровертированной культуры — это удар по ее основе, чреватый социокультурным коллапсом.

Безусловно, все эти культурные установки национальной ментальности сыграли свою роль в нашей истории и сказываются на опасно затянувшейся переходности в настоящий момент. Психоаналитический подход к культуре требует ясного осознания ее специфики, которое только и способно стать базисом для реальной модернизационной стратегии.

Библиографический список

1. Алякринская М.Н. Особенности развития культуры XX в. Культура и цивилизация. СПб.: Изд-во СЗАГС, 1998. 190 с.
2. Флиер А.Я., Полетаева М.А. Тезаурус основных понятий культурологии: Учеб. пособие. М.: МГУКИ, 2008. 284 с.
3. Белкин А.И. Судьба и власть, или В ожидании Моисея. М.: Гуманитарий, 1996. 272 с.
4. Касьянова К.В. О русском национальном характере. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. 367 с.
5. Гуревич П.С. Кризис в ракурсе психологии // Вопросы аналитики. 2009. № 1. С. 102–107.
6. Медведев В. Российская архетипика в зеркале народной сказки // Russian Imago: Исследования по психоанализу культуры 2000. СПб.: Алетея, 2001. С. 159–167.
7. Саркисян М.В. Архетипические основания творчества А. Белого: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: Изд-во МПГУ, 2003. 18 с.
8. Попова О.В. Россия как «Другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 6: Философия, политология, культурология, право, международные отношения. Вып. 4. С. 43–51.
9. Ахиезер А.С. Философские основания социокультурной теории и методологии // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29–45.
10. Сильнова Е. Образ Советской России: человек и общество в контексте национальной ментальности // Вопросы культурологии. 2010. № 5. С. 61–65.
11. Барулин В.С. Российский человек в XX в. Потери и обретение себя. СПб.: Алетея, 2000. 431 с.
12. Чернышев А.В. Современная советская мифология // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 27–50.